

Александр Евгеньевич Мазуров

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36
✉ rumatamonteg@gmail.com*

DOI 10.25205/978-5-4437-1258-1-57-64

**«ОБЗОРНЫЕ» ФЕЛЬЕТОНЫ
ПРОСТОГО СМЕРТНОГО (Ф. В. ВОЛХОВСКОГО)
В «СИБИРСКОЙ ГАЗЕТЕ» (1885–1887)**

Фельетоны в дореволюционных российских изданиях часто выходили под псевдонимами, которые были не только способом ухода от возможных цензурных репрессий, но и частью литературной игры. История русской журналистики полна примерами того, как эти псевдонимы становились полноценными литературными масками: достаточно вспомнить Феофилакта Косичкина (псевдоним А. С. Пушкина), или Никодима Надоумка (псевдоним Н. И. Надеждина), или Темного человека (псевдоним Д. Д. Минаева) [История русской журналистики, 2013. С. 250]. В Сибири в конце XIX века появились свои фельетонисты, которые продолжили устоявшуюся традицию скрывать свое настоящее имя под литературной маской.

Одним из самых известных авторов сибирской журналистики 1880-х годов был политический ссыльный, поэт-народник Ф. В. Волховский. Он принимал активное участие в первой частной томской «Сибирской газете»: многими исследователями она характеризуется как «литературоцентричное» издание [Жилиякова, 2002. С. 102], которое уделяло особенное внимание вопросам литературы и искусства.

За восемь лет издания в «Сибирской газете» было размещено 355 художественных и художественно-публицистических текстов, более 100 фельетонов, и 89 из них были написаны Ф. В. Волховским [Рощевская, 1966. С. 51].

Исследователи жанра фельетона выделяют, учитывая масштаб обобщений, с одной стороны, адресный, документальный, локальный фельетон, с другой — фельетон многофакторный, обзорный, проблемный, в котором публицист не фокусируется на отдельных событиях, а обращается к ряду проблем [Прокопьева, Никонова, 2010. С. 8]. Волховский выступал автором как документальных и адресных, так и обзорных, проблемных фельетонов. Часто эксперименты в рамках жанра закреплялись за конкретными литературными масками публициста [Мазуров, 2020].

В «Сибирской газете» можно встретить семь псевдонимов Волховского: В тиши расцветший василек, Фома, Иван Брут, Я. Ачинский, Дядя Федул, Консерватор, Простой смертный. Под последним псевдонимом было опубликовано 19 фельетонов, затрагивающих разные темы: коррупцию, социальное неравенство, бедность, образование, безнаказанность чиновников, эпидемии, бездомные собаки и пр.

Выступая под псевдонимом Простой смертный, Волховский экспериментировал с так называемыми «обзорными» фельетонами, показывая картины дореволюционной Сибири и Томска с их проблемами. Преобладающими элементами в этих текстах были репортажные зарисовки с едкими, ироничными замечаниями.

Если сравнивать фельетоны, написанные под псевдонимом Простой смертный, с другими, принадлежащими литературным маскам Волховского (Иван Брут, В тиши расцветший василек и т. д.), можно отметить несколько отличий. Прежде всего, в фельетонах Простого смертного нет демократических образов рассказчиков (таких, как Фома, Дядя Федул, Иван Брут) с их продуманной биографией [Мазуров, 2020]. Образ Простого смертного у Волховского — это образ

представителя сибирской интеллигенции, растворившегося в толпе горожан.

Необходимо подчеркнуть, что литературная маска Простого смертного менее других дистанцирована от самого автора. Волховский не придумывал Простому смертному отдельную биографию, не описывал маршруты выдуманных, а то и откровенно фантастических путешествий, практически не использовал для раскрытия образа рассказчика других персонажей. Для фельетонов Простого смертного не свойственна диалогичность: он не только не вступал в диалог с персонажами, но и почти не обращался к читателю. В фельетонах нет дистанции между автором и читателем, фельетонист сам представлялся одним из сибиряков.

Ключевым образом в фельетонах Простого смертного является образ толпы. Отсюда и название фельетонного цикла — «В толпе». Фельетонист занимался ее изучением, выделял героев и события, которые «поднимает на своем гребне жизненная волна толпы (СГ. 1886. № 31).

Впервые этот образ толпы появился во втором фельетоне цикла, где автор обозначил его концепцию: «Едва есть что утомительнее однообразия. Иной, пожалуй, подумает, что именно на однообразии-то мне, человеку, толкающемуся в пестрой толпе, грешно жаловаться. Но, право, это только кажется» (СГ. 1885. № 50). В дальнейшем автор сравнивал толпу с калейдоскопом, в котором, несмотря на всю яркость, отдельные стеклышки не могут быть другими цветами, кроме красных, синих, белых, зеленых и желтых. Простой смертный выделяет различных представителей толпы: «дельцов», землевладельцев, хорошеньких брюнеток, но все эти «единицы» представляют собой однообразие, фельетонист может угадать мысли, желания и чувства каждого из них.

Волховский обращался к образу толпы и в других фельетонах. Так, в одном из материалов он описывал реакцию представителей различных национальностей на пожар, произошедший в Америке.

По словам Простого смертного, французы заявляли, что о потерпевших должно позаботиться правительство, «янки» же немедленно оказали общественную и взаимную помощь. Простой смертный предполагал, как бы могла себя повести при пожаре «сибирская толпа»: «... придется признать, что они частью, постояв вокруг пожарища и поковыряв в носу, сказали бы „Ну дак чо?“ и пошли каждый „по своему делу“, а частью уподобились бы французам и стали бы вопить: „Чего начальство смотрит?!“» (СГ. 1886. № 20).

Несмотря на такую негативную оценку толпы, автор возлагал на нее определенные надежды: такой вывод можно сделать из приведенного фельетонистом диалога на пароходе. Рассуждая об образовании, пассажиры пришли к тезису, что вольная мысль для их детей лучше побоев: «общественной жизни у нас нет; общественных интересов нет; что же может привязывать к жизни, как не дети: для них и живем!» (СГ. 1886. № 20). В финале фельетона представители толпы передали корреспондентам и журналистом свое слово, которые сами они не могли сказать, не могли выразить свое мнение.

В фельетонах, составивших цикл «В толпе», представлена целая галерея отрицательных типажей. В первом же фельетоне появляется «глупец в роли общественного деятеля», который может считаться одной из «десяти казней египетских» (СГ. 1885. № 47). Описывается здесь и «глупый педагог», который олицетворяет собой проблему грубости учителей по отношению к гимназистам, которая объясняется отсутствием интереса к ученикам, излишними требованиями к дисциплине. Но образ такого педагога максимально абстрагирован, в нем нет узнаваемых черт конкретного лица. Как писал Волховский: «Весь приведенный выше эпизод я измыслил исключительно для иллюстрации и подкрепления моей теоретической мысли о том, сколько мог бы принести вреда тупоимец в роли педагога, если бы подобные педагоги существовали...» (СГ. 1885. № 47).

Описывались здесь и другие персонажи, с помощью которых автор обозначал проблемы отсутствия интереса сибиряков к образова-

нию собственных детей, коррупции, создания бесполезных учебных и различных ведомственных учреждений, бессмысленность выборной службы и т. д.

В фельетоне 1886 года Волховский, раскрывая тему сложной эпидемиологической обстановки, проблем медицинской системы, антисанитарии, «дешевизны человеческой жизни», использовал методы беллетризации. Он вводил в текст трех «героинь»: «Зовут их Холерой, Скарлатиной и Корью» (СГ. 1886. № 31). Иллюстрации примеров конкретных эпидемий были поданы в метафоричном виде: «Другая сестрица ведет себя далеко не так скромно. Я говорю о скарлатине в ближайших к Томску деревнях — Петровой, Заварзиной, Чернильщиковой — и далее вглубь губернии она стала распоряжаться не только ребятами, но и взрослыми; — случалось 19-летние парни платились жизнью!».

Материалы Волховского под псевдонимом Простой смертный можно условно разделить на два типа: фельетоны, в которых рассматривается одна тема, описываемая с помощью репортажных фрагментов или художественных образов, и фельетоны, являющиеся реакцией на конкретные события действительности.

Примером первого типа фельетонов может служить материал, описывающий проблемы, увиденные журналистом на томских улицах: грязь, нищета, болезни, бездомные собаки. В фельетоне автор противопоставляет себя поэтам, «любителям Феба», которые видят в весне только ее прекрасные черты (СГ. 1886. № 13).

Примером отклика на конкретные события является фельетон, посвященный строительству бесплатной народной библиотеки (СГ. 1886. № 18). Его можно отнести к «обзорным», так как здесь автор приводит целый ряд положительных примеров действий меценатов и отрицательных — местных чиновников.

Стоит отметить, что фельетоны «В толпе» представляют собой наименее концептуальный цикл Волховского. Так, в фельетонах Ивана Брута циклообразующим стержнем выступали «литературная ма-

ска» и введенные фельетонные персонажи [Мазуров, 2020. С. 79], у Консерватора — концепция музея, в котором экспонатами были конкретные «герои грабежа» [Мазуров, 2021. С. 94]. В цикле «В толпе» ключевым для автора выступает не определенная идея, а потребность откликнуться на конкретные события и проблемы. Таким образом, можно говорить об эволюции фельетонов «Сибирской газеты» от художественных и «беллетристических» в сторону информационных и новостных. Это было обусловлено активизацией конкуренции между томскими изданиями и цензурным давлением на фельетоны «Сибирской газеты» [Жилякова, 2020. С. 24].

Тем не менее Волховский не отказался от беллетризованных фельетонов окончательно. В материалах цикла «В толпе» появлялись отсылки к гоголевской традиции с ее гротеском и гипертрофированным описанием людей (СГ. 1885. № 47), а действующими героями фельетонов могли стать такие персонажи, как Чума и Холера (СГ. 1886. № 31). Одним из самых соотносимых с ранним беллетризованным и сказочным творчеством автора является фельетон, описывающий диалог Простого смертного с Супер Урвановичем (СГ. 1886. № 44). Сказочной здесь является сама фабула: Простой смертный находит оброненные заметки китайского посла о Сибири и обращается к Супер Урвановичу за советом, что с ними делать. В диалоге с ним раскрывается содержание заметок: китайский посол рассказывал в них про одно из «драгоценных сокровищ» Сибири, которое есть у каждого ребенка, но которое не хотят показывать гостям из других стран — явление, «известное здесь под именем „встрепки“» (СГ. 1886. № 44).

Несмотря на фантастическое содержание, Волховский описывал в фельетоне хорошо знакомые всем проблемы Сибири: бедственное положение журналистов, ухудшающееся состояние системы образования, бедность, коррупцию, самодурство чиновников. Таким образом, сказочная форма не противоречила принципам «обзорного» фельетона: не фокусируясь на конкретных ситуациях, показывать целый ряд проблем Сибири.

В фельетонах, предшествующих циклу «В толпе», примеры Волховского были всегда конкретными, они отсылали к определенным людям и их действиям. В фельетонах Простого смертного читатели чаще всего сталкивались с описанием абстрактных примеров различных ситуаций. Скорее всего, это было вызвано неоднократной приостановкой и цензурными запретами фельетонов Волховского, написанных, в частности, под псевдонимом Консерватор: в них автор адресно обвинял конкретных лиц, виновных в злоупотреблениях властью [Мазуров, 2021. С. 92].

Таким образом, фельетоны, вышедшие под псевдонимом Простой смертный, стали для Волховского определенным экспериментом как в форме подачи материала, так и в стремлении уйти от цензурного давления на публикации. Материалы цикла «В толпе» знаменуются уходом от беллетризованной манеры повествования, которая была характерной чертой фельетонов «Искры», «Гудка» и других сатирических журналов 1860-х годов [История русской журналистики, 2013. С. 339]. Фельетоны Волховского становятся более публицистическими и информационными.

Выбранная для цикла жанровая разновидность «обзорного» фельетона позволяла Волховскому описывать различные ситуации дореволюционной Сибири и Томска, при этом прямо не указывая на виновников событий. Краеугольным камнем в фельетонах цикла «В толпе» выступала не игра с читателем и расшифровка смыслов, а обозначение и эмоциональное осмысление проблем Сибири и Томской губернии, описываемых в новостных и аналитических рубриках издания.

Литература

Жилякова Н. В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете». Томск, 2008. С. 333–345.

Жилякова Н. В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX — начала XX века. Томск, 2020. 386 с.

Журналистика и публицистика в исторической перспективе

Жилякова Н. В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888 гг.) как явление литературного регионализма. Томск, 2002. 237 с.

История русской журналистики XVIII–XIX веков / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков, М. М. Ковалева и др.; под ред. Л. П. Громовой. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. 528 с.

Мазуров А. Е. Литературные маски Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

Мазуров А. Е. Цикл фельетонов «Сибирский музе» Консерватора (Ф. В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 82–95.

Мазуров А. Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск : ИФЛ СО РАН, 2020. С. 78–89.

Прокопьева С. М., Никонова Ю. И. Типология фельетонов в соответствии с доминирующей прагматической установкой // Филология и человек. 2010. № 3. С. 7–19.

Роцевская Л. П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф. В. Волховского). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.